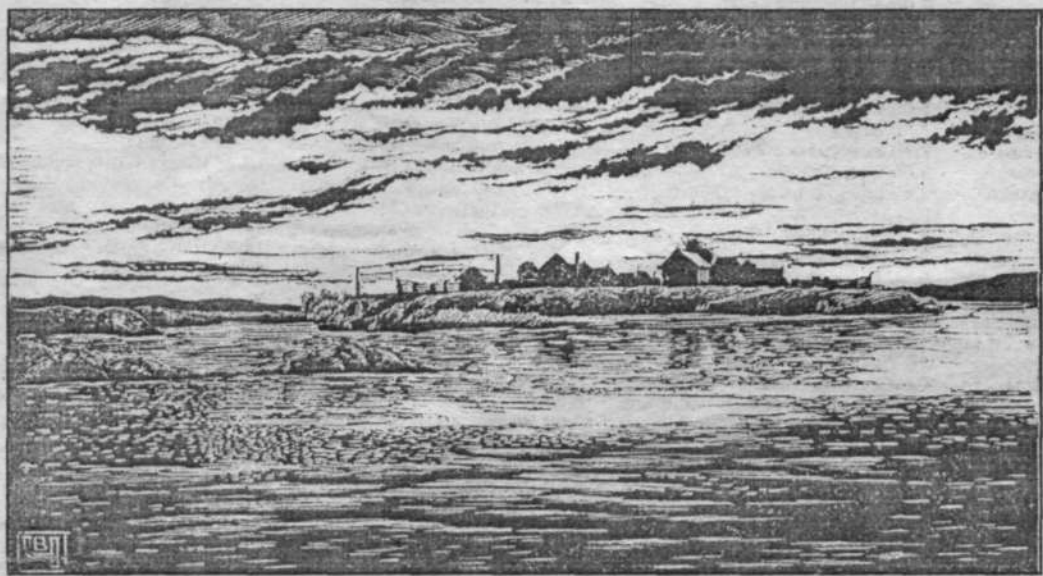

Юрий ПАНОВ.

ПАМЯТЬ

ОН ВЕРНУЛСЯ,

ЧТОБЫ БЫТЬ С НАМИ

Акколь. Разлив.

Я МОГ БЫ написать об этом человеке еще тридцать пять лет назад. За меня тогда это сделал мой товарищ, он был старше меня, и ему давали далекие командировки. Специальный корреспондент «Комсомольца Кузбасса» Рудольф Теплицкий в мае 1964 года сидел на берегу многоводной в то время Мрассы с очень интересным собеседником, и говорили они о вечном. Собеседником моего коллеги был местный (из Акколя) житель, очень интересный человек, фронтовик, учитель математики, художник, литератор Василий Лазаревич Чульжанов.

Мой друг написал очерк о Чульжанове в газете за 31 мая 1964 года под заголовком «У художника есть кисть». Рядом с очерком в газете была помещена гравюра Чульжанова «Каным». Из множества рисунков, гравюр журналист выбрал для публикации именно «Каным» не случайно. Его очень тронуло в гравюре необыкновенно насыщенное небо.

«Над белым безмолвием покрытых снегом сопков с молчаливыми одинокими елями, - стремительное, словно приготовившееся к прыжку, небо. И все в целом - кажущийся покой переднего плана и сдержанная тревога фона - придавало простому рисунку необычную динамичность, ощущение присутствия человека, готового к схватке с природой, понимание ее внутренних пружинок».

Ну никак я не предполагал встретиться с этой давней публикацией своего товарища, как и не предполагал найти так быстро то, что искал. Ни моего друга-журналиста, ни Василия Лазаревича Чульжанова, к сожалению, уже давно нет среди нас. После выхода очерка Василий Чульжанов прожил чуть больше года, а журналист ушел в мир иной лет через десять после той памятной для него командировки в Акколь.

Но не с моей журналистской молодости началось мое открытие художника Чульжанова, а наоборот. Совсем недавно в Мысках на стене картинной галереи я увидел большой холст, на котором изображен обычный зимний солнечный день в негустой березовой роще. В правом углу авторская надпись «В. Чульжанов. 1954». Было видно, что художник работал над картиной долго, тщательно. Но от этого она не была перегружена, как выражаются художники, вымучена. По живописи она удивительно свежа даже сегодня. На снегу, стволах берез, в слабом морозном воздухе все пронизано светом и солнцем. Тишина. И какая-то редкая умиротворенность мироздания. О том, что этот пейзаж написан здесь, в небогатой на березовые рощи Томусе, можно было догадаться еще и по характерному силуэту гор на заднем плане - неровная голубая стена. Стожок заиндеветшего сена, кое-где мелкий рыжий кустарник. Но вся сила и прелесть пейзажа, как мне кажется, в белоствольных березах, в мягком не тронутом даже зайцами снеге, в том самом стожке сена, оставленном в лесу до весны. Все это очень тщательно выписано. Основательно продуман сам сюжет картины, ее композиция. Ничего случайного, чтобы отвлекло зрителя от этих берез, от мягкого снега, голубой дали. Сюжет картин скорее всего был сочинен автором. Так мне показалось при первом знакомстве с картиной. И эта моя догадка вскоре подтвердилась. Когда в картинную галерею были привезены все работы, какие очень хорошо сохранились у дочерей художника - Надежды и Веры. При первом же осмотре этих работ я понял, что в своей догадке был прав. Василий Лазаревич очень долго готовился к этой работе, собирал материал. Мы с Василием Анд-

реевичем Елесиным нашли много акварелей, рисунков, даже один эскиз к будущей картине. Большой подготовительный материал, хорошее знание природы и помогли художнику создать вполне законченный и убедительный мотив.

До собрания всего творческого наследия Чульжанова было еще далеко. Во время знакомства с картиной художника я спросил Василия Андреевича Елеси-

на: - Что вам известно об этом художнике? Ведь вполне возможно, что именно он и есть первый шорский художник.

- Художник Чульжанов действительно местный, шорец. Его дочь Надежда живет в Междуреченске, работает художником-оформителем в ДК шахты им. Ленина. Вот пока все, что я знаю.

Василий Андреевич понял, что его ответ меня не удовлетворил, что я буду искать.

- А вы обязательно зайдите к его дочери. Возможно, у нее сохранилось еще что-нибудь. Хорошо, если сохранилось! Мы могли бы все собрать и устроить выставку всего его творческого наследия.

В тот день мы с Василием Андреевичем «загорелись» поисками.

- Может быть, с него все и началось. Он первый и пока единственный почти профессиональный художник среди шорцев. Не все еще мы знаем о лучших представителях шорской национальной культуры, но художников более раннего периода мне встречать не приходилось. И пока мы не найдем более раннего, будем считать Василия Лазаревича Чульжанова первым шорским художником, - заключил наш разговор Василий Андреевич Елесин.

... Несколько часов провел я в мастерской Надежды Васильевны. Договорились в ближайший выходной встретиться в Мысках, в картинной галерее.

На встречу в Мысках Надежда Васильевна пригласила свою тету, младшую сестру отца Зою Лазаревну. Еще несколько часов слушал я рассказ о человеке, который открывался мне все больше и больше.

На той встрече мы договорились устроить в Мысках выставку всех работ Василия Лазаревича Чульжанова. Участники той встречи очень хорошо представляли себе, как трудно в наше непростое время осуществить задуманное. Меня радовало то, что очень многие работы художника заботливо сохраняются. Но их надо будет оформить в рамы, под стекло. Работа предстояла тяжелой, затратная. А средств на такую выставку ни у кого из нас, естественно, не было. О несбыточности нашей с Елесиным идеей высказались родственники художника - сестра Зоя Лазаревна, дочь Надежда Васильевна.

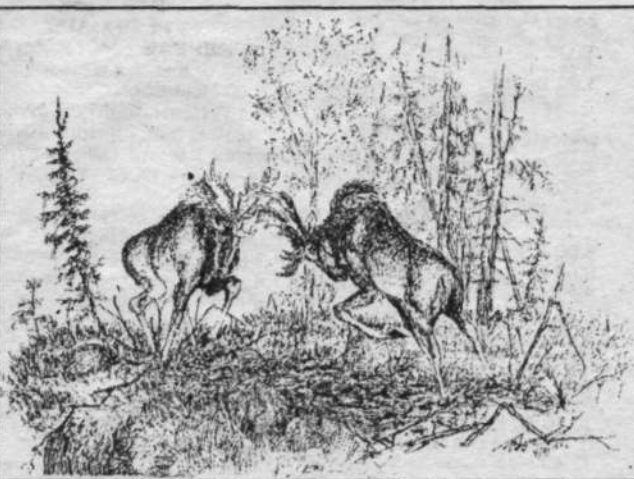
Работы привезли в Мыски. И еще несколько часов я рассматривал удивительный мир, каким очень давно жил один из мысковчан, совершенно неграмотный в изобразительном искусстве человек, живший очень далеко от картинных галерей, выставок, музеев и профессиональных художников. В те годы, когда Василий Лазаревич начал заниматься творчеством, ни в Ново-

кузнецке, ни в Кемерове еще не было ни одного профессионального художника. Были самоучки, любители писать и рисовать, но до приезда в нашу область профессионалов было еще очень далеко. И какой же силы дар природы-матушки дан был пареньку, родом с Акколя, чтобы самостоятельно преодолеть начальную школу рисунка, освоить азы акварели, а потом и живописи, чтобы создать все это! А линогравюры! Кто мог его здесь научить работать с линолеумом! В те годы, я абсолютно в это уверен, в Сибири никто не занимался линогравюрой! А тут затерявшийся в дебрях Томусы улус Акколя! И жил в нем паренек, который по вечерам и ночам сидел над куском линолеума и резал самодельными резцами таежные сюжеты, эпические пейзажи. Тот же «Акколь». Эта работа по силе исполнения подвластна разве что большому профессионалу, такому известному красноярскому мастеру гравюры как Мешков! Будущий известный новокузнецкий график Александр Холодов в те годы вряд ли еще и карандаш в руках держал, а других и вовсе не было еще.

Допускаю: могли сюда в тридцатые годы доходить книги с репродукциями художников, сами репродукции. Конечно, художник в молодости читал о художниках, если позднее он очень много и интересно мог рассказывать о них своим дочерям, а потом и ученикам своим в школах, в каких ему пришлось работать в качестве учителя математики. Но вот что еще чрезвычайно важно. Чульжанов не копировал великих мастеров, а создавал свои сюжеты на основе наблюдений из здешней жизни. Сцены из жизни обитателей тайги, бытовые сцены из жизни односельчан, из быта шорцев. Он не шел на поводу у мастеров, а искал свой путь в искусстве. Ему были близки и живопись, и графика. Может быть, в графике он сделал больше, больше ему удалось. И это вполне объяснимо. Возможно, вот такое увлечение графикой от того только, что художник, как мы уже говорили, жил очень далеко от больших городов, где в те годы еще можно было приобрести краски, кисти, холст, а карандаш, тот же бытовой линолеум, был доступен ему в любое время. Скорее всего только по этой причине в творчестве Чульжанова больше преобладает графика. Но какая! По его рисункам, гравюрам, акварелям можно изучать родной край. С какой любовью он создавал сцены из жизни маралов, медведя, как он хорошо, не понаслышке, знал свой край. Но и здесь ничего случайного, ни одной лишней детали. Он отлично знал тайгу. В ней он с раннего детства с ружьем. Сестра вспоминает: в толодные годы Василий приносил из тайги зайцев, уток с озер и болот, но никогда не жадничал. Он очень любил все живое в тайге. Я догадываюсь: в тайгу его тянула не столько страсть охотника, сколько наблюдателя, стремление созерцать, изучать, запоминать. А потом, опять же долгими зимними вечерами он сидел над клочком бумаги и рисовал сцены из жизни тайги. Так нарисовать бой быков-лосей мог только человек, очень хорошо знающий животных, их образ жизни, их повадки и законы.

Не мог он с природы рисовать и окружающий пейзаж. Значит, он его очень хорошо знал. И все у него точь-в-точь! Ничего лишнего, ничего неубедительного. Это, по сути, уникальная иллюстрация к рассказам о жизни тайги.

Корни его здесь, в Мысках. Потомственные охотники Чульжановы жили в Балбыне. В Акколе жили потомственные рыбаки Кусургашевы. Лазарь Николаевич Чульжанов женился на дочери рыбака Анне Дмитриевне. Уже взрослым Лазарь брал уроки у русских политических ссыльных (вот они когда уже были в здешних краях!). Он быстро научился читать и писать, но гораздо раньше в нем проявилась страсть к математике. Ссылные довольно быстро научили его бухгалтерскому делу. Тяга к математике, видимо, у Чульжанова была в роду, позднее счастливо передалась его детям. Сын Василий, дочь Зоя стали педагогами-математиками, а Антониды - бухгалтером и двадцать восемь лет отработала в этой должности в городском отделе народного образования. Лазарь Николаевич же работал главным бухгалтером на руднике в Темиртау.

(Окончание в следующем номере).